

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ

Н.В. Бугаевская

В статье анализируется содержание понятия «коррупция» с точки зрения закона (в том числе законодательных актов зарубежных стран), подзаконных нормативных актов и доктринального подхода.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, подкуп и продажность, злоупотребление служебным положением, перечень коррупционных преступлений.

Коррупция, несомненно, является социальным порождением, то есть определенной формой общественных взаимоотношений, сформировавшихся с выделением властных структур. Это система отношений, пронизывающих общество, но отнюдь не являющаяся основой его функционирования, без которой оно не могло бы обходиться. В каких-то случаях коррупционные проявления выполняют роль катализатора социальных связей, например, ускоряя и упрощая принятие управленческих решений, но это не должно делать их легитимными. Определенно, что общество само избирает, что является возможным с точки зрения права и морали, а что нет. В настоящее время сложился критический момент, при котором нельзя допустить, чтобы коррупция перестала восприниматься обществом как негативное явление и перешла бы в разряд не только социально терпимых, но и социально одобряемых. Появившимся не осуждающим коррупцию настроениям необходимо противопоставить идею о том, что это социальное явление представляет собой вызов цивилизованному человеческому развитию как таковому. Коррупция не только создает угрозу для нормального функционирования общества и государства, подрывает нравственные устои, но и усугубляет кризисные явления в политике, экономике, социальной сфере, снижая индекс доверия населения к управленческим структурам [1].

В этой связи очень важным является наполнение содержания термина «коррупция» с позиции права, и в частности уголовного закона, тем смыслом, который бы в полной мере отражал социальные реалии, отвечал требованиям международных стандартов в данной области и, что безусловно важно, был бы востребован в правоприменительной практике.

Ныне действующий Федеральный закон РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» дает определение коррупции, включая в его разряд не только взяточничество и коммерческий подкуп, но и иные деяния – злоупотребления, не связанные с подкупом. Тем самым в нем реализован широкий доктринальный подход, включающий отражение не только продажности управленческого звена, но и использование им служебного положения в целях извлечения неправомερных имущественных выгод.

«Узкое» понимание коррупции только как взяточничества и подкупа уже не актуально, так как коррупция видоизменяется, приспособливается к новым

социальным условиям, эволюционирует в отрицательном смысле этого слова вместе с обществом. Хотя первостепенному включению в разряд правонарушений коррупционной направленности подлежат именно те, что связаны с продажностью должностных лиц. С данной точкой зрения соглашается профессор Н.А. Лопашенко: «Именно подкуп, который оборачивается продажностью подкупаемых, характеризует содержание коррупции. Подкуп является стержнем коррупции, присутствует в ней всегда, в обязательном порядке» [2]. Ю.М. Антонян считает, что коррупцию в самом широком смысле можно определить как совершение неких действий лицом, обладающим в силу своего служебного положения необходимыми возможностями, в пользу того, кто незаконно оплатил такое действие. При этом сами действия могут быть вполне законными [3, С. 63].

Криминологическое понимание коррупции должно основываться на уголовно-правовом ее содержании, так как преступность, в том числе коррупционная, это есть совокупность совершенных преступлений на определенной территории за определенный период. Однако в этом плане есть некоторые расхождения с правовой трактовкой коррупции. Отдельные авторы определяют коррупцию как «социальное явление, характеризующееся подкупом - продажностью государственных или иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо в узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей» [4, С. 279]. При этом, например, профессор А.И. Долгова настаивает, что чрезмерно широкое толкование коррупции означает объединение одним термином очень разных по своей криминологической характеристике явлений: и хищений, и должностных преступлений, и подкупа-продажности (коррупции в собственном смысле слова) [5, С. 264].

Профессор Н.Ф. Кузнецова отмечала, что широкое понимание коррупции представляет собой подкуп в любых сферах власти и управления, а коррупция в узком смысле – это все разновидности подкупа и его провокация [6, С. 32]. Профессор В.В. Лунеев настаивает, что коррупция более широкое явление, чем взяточничество, включающее в себя любые злоупотребления должностных лиц, совершенные с корыстной целью [7, С. 99-107].

Строя свои определения понятия коррупции, ряд авторов и до принятия Федерального закона «О противодействии коррупции», и после его введения в действие включали в круг субъектов, совершающих обозначаемые ими как суть коррупции противоправные действия, только должностных лиц или государственных чиновников. Эта традиция сложилась еще в начале XX века. Знаменитый русский правовед профессор В.Н. Ширяев писал, что коррупция представляет собой социальное явление, связанное с корыстным использованием должностным лицом органа государственной власти и управления своего служебного положения в личных целях [8, С. 311].

В наши дни позиция профессора Б.В. Волженкина (в работах 90-х гг.) сводилась к тому, что коррупция как социальное явление – это разложение

власти, использование государственными (муниципальными) служащими и иными лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, своего служебного положения, своего статуса, авторитета занимаемой должности из корыстных побуждений в целях личного обогащения [9, С. 5-8]. По мнению профессора Г.Н. Борзенкова, коррупция есть также разложение управленческого аппарата чиновников [10].

Но все же большинство ученых придерживаются точки зрения, нашедшей отражение в Федеральном законе «О противодействии коррупции», а именно, что коррупция, по субъектному составу, - это использование должностными лицами, государственными, другими публичными служащими либо служащими коммерческих или иных организаций своих служебных полномочий в корыстных целях, а также предоставление названным лицам имущества, прав на имущество, услуг или льгот незаконного характера в связи с их статусом [11, С. 147].

Таким образом, коррупцию можно структурировать по субъекту, который имеет определенные властные полномочия, на коррупцию в сфере государственной, муниципальной власти и управления, с одной стороны, и на коррупцию в бизнесе или частной сфере. Данный подход отражен и в УК РФ, имеющем в своем составе две отдельные главы, содержащие коррупционные преступления, - главу 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» и главу 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». В первом случае субъектом выступает должностное лицо или государственный или муниципальный служащий, а во втором – лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. То есть не только субъект, но сфера применения его властных функций служит основанием для разграничения составов преступлений, схожих по объективным признакам, по разным структурным элементам УК РФ.

С другой стороны, с точки зрения субъекта, понятие коррупции охватывает и лиц, которые предпринимают попытки коррумпирования (подкупа) и должностных лиц, и государственных (муниципальных) служащих, а также лиц, выполняющих управленческие полномочия в частной сфере. Это лица, являющиеся субъектами таких составов преступлений как дача взятки (ст. 291 УК РФ), коммерческий подкуп (ч. 1-2 ст. 204 УК РФ).

Между тем основанием уголовной ответственности коррупционеров является не столько само определение понятия коррупции, как бы важно оно ни было, сколько отдельные составы преступлений, которые закрепляют преступность действий лица в правовой материи и отражают реальное положение дел в обществе относительно субъектного состава и им совершаемых деяний.

Следует отметить, что во многих зарубежных государствах понятие коррупции и раскрывается через совокупность отдельных составов правонарушений. Так, во Франции около 20 составов преступлений

(предоставление необоснованных благ (ст. 432-14 Уголовного кодекса), неправомерное использование собственности либо доверия компании (ст. 425-4, 437-3, 460, 464 Закона о компаниях) и др. являются собой коррупционные деяния. В США понятие коррупции раскрывается через деяния физических, юридических лиц, частных структур (параграф 371, титул 18 Свода законов США).

В УК Италии коррупция представлена четырьмя видами преступлений: деяния, связанные с выполнением служебных обязанностей (ст.318); деяния, связанные с невыполнением служебных обязанностей (ст. 319); деяния, связанные с выполнением неправомерных решений судом (ст. 319-3); коррупционные деяния среди работников служб местного самоуправления (ст. 320). В комплекс этих преступлений, в том числе, включаются подкуп и взяточничество. Так, под коррупцией, связанной с выполнением служебных обязанностей, понимается «получение или дача согласия на получение государственным служащим лично или через посредников не причитающегося ему вознаграждения в денежной форме или в виде иной услуги за выполнение в будущем какого-либо действия, входящего в круг его служебных обязанностей» [12, С. 122]

Национальное определение понятия коррупции, вынесенное в отдельный законодательный акт, также указывает на отдельные составы преступлений, такие как дача взятки (ст. 290 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ). Однако в этом же определении использованы обобщающие понятия («злоупотребление служебным положением») и признаки («иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц», «незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»). С одной стороны, такой подход вполне адекватен с точки зрения зарубежного законодательства о противодействии коррупции, соответствует требованиям международных конвенций в области борьбы с коррупцией и удобен в плане возможности расширительного толкования данного определения относительно новых форм проявления коррупционного поведения. В том числе данное определение позволяет отнести к коррупции не подпадающие под действие уголовного закона nepотизм (кумовство), патронаж, коррупционный лоббизм, фаворитизм, протекционизм [13, С. 99-107]. Последнее тем более важно, так как среди форм неправомерного коррупционного поведения выделяют все новые и новые, например, такие как формы скрытого совмещения государственной службы с деятельностью в коммерческих структурах, в связи с этим оказание им поддержки, лоббирование их интересов, предоставление льгот и преимуществ [14].

С другой стороны, отсутствие четкого перечня коррупционных преступлений на законодательном уровне, позволяет относить к их числу

деяния, которые имеют сомнительное отношение к указанным в законе признакам коррупции. Появившийся в конце 2010 года Перечень №23 в Указании Генеральной прокуратуры РФ № 450/85, МВД РФ №3 от 28.12 2010г. «О введении в действие Перечней статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности» [15] сыграл роль устранителя технической проблемы – отсутствия эффективного учета преступлений коррупционной направленности. Хотя все же отождествлять понятия «коррупционные преступления» и «преступления коррупционной направленности» нельзя. Первые, на наш взгляд, отражают суть коррупции, а вторые – с ней тесно связаны. Таким образом, правовые средства противодействия коррупции требуют четкого установления параметров и границ их воздействия на общественные отношения, что важно не только для статистики, но и для осуществления подлинной борьбы с формами проявления коррупции.

Список литературы:

1. Нарышкин С.Е. Международное сообщество в борьбе с коррупцией // Журнал российского права. 2012. № 7.
2. Лопашенко Н.А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // URL: [http://sartraccc.sgap.ru/Pub/lopashenko\(18-03\).htm](http://sartraccc.sgap.ru/Pub/lopashenko(18-03).htm).
3. Антонян Ю.М. Типология коррупции и коррупционного поведения // Социология коррупции. Материалы научно-практической конференции. М., 2003.
4. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 501 - 502; Долгова А.И. Криминологические проблемы коррупции в России // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы. М., 2001. Криминология / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1994.
5. Криминология / под общей ред. проф. А.И. Долговой. М., 1999.
6. Кузнецова Н.Ф. «Круглый стол» по проблемам противостояния коррупции в России. Вестник МГУ, Серия 11. Право. 1999. № 4.
7. Лунеев В.В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы // Государство и право. 2000. N 4.
8. Ширяев В.Н. Взятничество и лиходеительство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Ярославль, 1916.
9. Волженкин Б.В. Коррупция. СПб, 1998.
10. Борзенков Г.Н. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1993. №1.
11. Максимов С.В. Коррупционная преступность в России: правовая оценка, источники развития, меры борьбы // Проблемы борьбы с коррупцией. М., 1999.
12. Уголовное законодательство зарубежных государств / Под ред. А.В. Матвеева. М., 2000.
13. Лунеев В.В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы // Государство и право. 2000. N 4.
14. Куракин А.В. Современные формы проявления коррупции в системе государственной службы Российской Федерации // Гражданин и право. 2008. №2.
15. В настоящее время данный перечень действует в редакции Указания Генеральной прокуратуры РФ № 52-11 и Министерства внутренних дел РФ № 2 от 15

февраля 2012 г. «О введение в действие Перечней статей Уголовного кодекса РФ, используемых при формировании статистической отчетности».

Н.В. Бугаевская, канд. юрид. наук, доцент, докторант Академии ФСИН России, тел. +79109415901, E-mail: bugaevskaja.natalia@yandex.ru, (Россия, Рязань)

MANIFESTATIONS OF CORRUPTION

N. Bugaevskaya

The article analyzes the content of the notion of «corruption» from the point of view of the law (including legislative acts of foreign countries), subordinate legislation and doctrinal approach.

Keywords: corruption, bribery, bribery and sales of, abuse of power, the list of коррупцион of crimes.

N.V. Bugaevskaya, PhD, Associate Professor, Ph.D. Academy FPS Russia, tel. +79109415901, E-mail: bugaevskaja.natalia@yandex.ru, (Russia, Ryazan)

УДК 34

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ИСТОЧНИКА ВНЕБЮДЖЕТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ АВТОНОМНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

В.И. Буренина, А.И. Минакова

В статье авторы выделяют и рассматривают особенности создания фонда целевого капитала автономного образовательного учреждения. Проанализирован зарубежный опыт становления «эндаумент фонда». Выявлены преимущества создания в Российской Федерации эндаумента в сфере образования. Определены основные задачи, для решения которых создается «эндаумент фонд» в автономном образовательном учреждении.

Ключевые слова: некоммерческие организации, образовательные учреждения высшего профессионального образования, автономные учреждения, фонд целевого капитала автономного образовательного учреждения.

В 1990-х гг. в условиях, когда государство хронически пренебрегало своими обязанностями по ресурсному обеспечению учреждений, сложившаяся практика взаимоотношений в Российской Федерации между учреждениями высшего профессионального образования и государством привела к снижению их экономической самостоятельности и активности на рынке образовательных услуг.

Прежде всего, проблематичным выглядел статус внебюджетных доходов бюджетных образовательных учреждений. Их наличие объяснялось юристами ситуативно, а именно тем, что в конкретных обстоятельствах 1990-х годов